

«ОДА ЕГО СЯТЕЛЬНОМУ ГРАФУ ХВОСТОВУ»

1.

«Ода Его сиятельству графу Д. И. Хвостову, с примечаниями автора» является одной из интереснейших комических пародий Пушкина. Многое в ней представляется, однако, загадочным и спорным.

Ода написана в 1825 году. В ней, как уже отмечалось всеми комментаторами, выдержаны и подчеркнуты особенности языка, метра, стиля гр. Д. И. Хвостова. Передан даже характер «примечаний» одописца. Ср. хотя бы следующие его примечания: «Позднее звание к Музе было написано в селе Слободке, которого живописательное местоположение на речке Кубре внушило автору начать Дидактическое сочинение Романтической картиною» ¹⁾ или: «Переводчик Илиады есть муж богатый просвещением. Сверх глубокого его знания древней и новой словесности, он обилует мыслями, соединенными с тонким вкусом» ²⁾ или: «Вельможа озаряся Фебом, последующие стихи относятся к учреждению Министерств» ³⁾ и т. д. И все-таки некоторые соображения не позволяют признать исчерпывающим следующий комментарий П. О. Морозова: «Пушкин в своем стихотворении пародирует манеру Хвостова и других старинных наших одописцев, с произведениями которых он был основательно знаком еще в Лицее... Но высшей степени комизма эта пародия достигает в самом ее содержании. Уже одна мысль — призвать гр. Хвостова занять место похищенного «быстропарным недугом» Байрона, как защитника угнетенных греков против их притесни-

¹⁾ Полное собрание стихотворений Графа Д. И. Хвостова, С. Петербург, 1829, т. I, с. 252 (примечание к стих. «Позднее звание к Музе», 1822).

²⁾ Там же, т. II, с. 205.

³⁾ Там же, т. I, с. 293.

телей турок, должна была вызывать неудержимый смех у читателей того времени ¹⁾».

Прежде всего, какую роль играет здесь имя гр. Хвостова? Чем вызвал мастерскую пародию Пушкина всеми осмеиваемый эпитомо-одописец?

Правда, около этого времени несколько оживилась его деятельность, и вместе с тем оживились обычные насмешки над ним; так, в «Благонамеренном» за 1824 г. (ч. 25, № 6, с. 430) была напечатана его анекдотическая «Надпись месту рождения великого Ломоносова» ²⁾, тогда же появились его стихи «Майское гулянье в Екатерингофе 1824 года» ³⁾, а в начале 1825 года «Послание к N. N. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года, ноября 7» ⁴⁾.

Тогда же начинаются неизбежные эпиграммы и легкие пародии. Кн. Вяземский пишет «На трагедию графа Хвостова, издающуюся с портретом актрисы Колосовой»:

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов ⁵⁾.

Он же пародирует чрезмерно почтительную «Надпись к портрету гр. Д. И. Хвостова», появившуюся в «Дамском Журнале»:

Хвостов на Пинде—соловей,
В Сенате—истины блюститель,
В семействе—гений-покровитель
И нежный всюду друг людей.

¹⁾ Сочинения Пушкина, изд. Ак. Наук, т. IV, с. 28—29.

²⁾ Остафьевский Архив, т. III, с. 26. Письмо А. Тургенева кн. Вяземскому: «Соловей—Хвостов недавно воспел Ломоносова следующим стихом:

В болоте родился великий Ломоносов».

³⁾ См. отзыв Тургенева в письме к кн. Вяземскому, Остафьевский Архив, т. III, с. 40.

⁴⁾ См. отзыв Пушкина в письме к кн. Вяземскому от 28 янв. 1825 г. (Переписка, т. I, с. 171), Медный Всадник (Морозов, IV, 258) и Тургенева письмо (к кн. Вяземскому, Остафьевский Архив, т. III, с. 96).

⁵⁾ Остафьевский Архив, т. III, с. 83.

сначала заменив слово «людей» словом «ушей», а затем и окончательно переделав:

«Хвостов на Пинде—соловей,
Но только соловей-разбойник,
В Сенате он живой покойник,
И дух нечистый средь людей» ¹⁾.

При этом оказалось, что А. И. Тургенев, Жуковский и Алексей Перовский также пародировали этот «катрень графа Хвостова» ²⁾.

Но пушкинская «Ода графу Хвостову» пародирует не только и не столько Хвостова, сколько одописцев вообще, причем в список их вошли не только представители старой оды, как Петров и Дмитриев, но и такой современный поэт, как Кюхельбекер. Таким образом, «Ода графу Хвостову» является как бы «Revue des Revues», о которой Пушкин мечтал еще в 1823 году ³⁾; при этом либо Пушкин пародировал не только Хвостова, но и перечисленных авторов, либо Хвостов был только полемическим именем, средством шаржа, а пародия была направлена по существу не против него. Но и это не уяснит нам того обстоятельства, почему Пушкин в 1825 году удастывает такой длинной и мастерской пародии старинную оду и почему сплетает с именем Петрова имя Кюхельбекера.

Не можем мы также согласиться с П. О. Морозовым и относительно сюжета «Оды»; комизм его вне сомнений, но сам он загадочен. В сущности, сюжетная схема «Оды»—смерть Байрона. Если принять во внимание впечатление, произведенное этим событием, то нужно предположить, что к сочетанию имени Байрона с именем Хвостова и к тому обстоятельству, что оно служит сюжетом пародии—у читателей того времени был какой-то ключ.

2.

Начнем с последнего. Байрон умер 7 апреля 1824 г. Получив известие о его смерти, Пушкин писал кн. Вяземскому в июне 1824 г.: «Тебе грустно по Байрону, а я так рад его смерти, как высокому

¹⁾ Там же, т. III, с. 109 и 472.

²⁾ Там же, т. III с. 112.

³⁾ Переписка Пушкина, изд. Ак. Наук, т. I, с. 63.

предмету для поэзии 1)». Между тем, все ждут поэтических откликов, на событие. Вяземский пишет жене: «Кланяйся Пушкину и заставь тотчас писать на смерть Байрона, а то и денег не дам» 2). Он же пишет Тургеневу: «Завидую певцам, которые достойно воспоют его кончину. Вот случай Жуковскому! Если он им не воспользуется, то дело кончено: знать пламенник его погас. Греция древняя, Греция наших дней и Байрон мертвый—это океан поэзии! Надеюсь и на Пушкина» 3); «Неужели Жуковский не воспоет Байрона? Какого же еще ждать ему вдохновения? Эта смерть, как солнце, должна ударить в гений его окаменевший и пробудить в нем спящие звуки!» 4). Таким образом, смерть Байрона явилась темой для лирических состязаний, «высоким предметом» для торжественной лирики. Вскоре начинается приток произведений, посвященных смерти Байрона 5).

В числе их были: стихотворение Пушкина «К Морю», с обращением к Байрону, появившееся во II части альманаха «Мнемозина», стихотворение Кюхельбекера «Смерть Байрона», напечатанное в III части Мнемозины (и затем изданное отдельно) и стихотворение Рылеева «На смерть Байрона» 6).

В стихотворении Кюхельбекера имя Байрона связано с именем Пушкина: Пушкину, сидящему на крутизне над морем (лирическое действие развертывается в «стране Назонова изгнанья»), является тень Байрона.

Стихотворение представляет собою каноническую оду, с явным соблюдением архаического стиля.

Начинается она с экспозиции—картины вечера:

За небосклон скатило шар
Златое, дневное светило
И твердь и море воспалило;
По рошам разлился пожар;
Зажженное зыбей зеркало,
Алмаз огромный, трепетало.

1) Переписка, изд. Ак. Наук, т. I, с. 118.

2) Остафьевский Архив, т. VI, с. 11. Письмо от 16 июня 1824 г.

3) Там же, т. III, с. 48, 49. Письмо от 26 мая 1824 г.

4) Там же, с. 54. Письмо от 11 июня 1824 г.

5) *Алексей Веселовский*, «Западное влияние в новой русской литературе», 1906 г., с. 159, примечание.

6) Напечатано только в 1828 г. в «Альбоме Северных Муз»; см. также статью *В. Якушкина*: «Из истории литературы двадцатых годов. Новые материалы для биографии К. Ф. Рылеева», «Вестник Европы», 1888 г. № 12, стр. 59.

Пятая и шестая строфы вводят основной мотив ¹⁾:

И кто же в сей священный час
Один не мыслит о покое?
Один в безмолвие ночное,
В прозрачный сумрак погружась,
Над морем и под звездным хором
Блуждает вдохновенным взором?

Певец, любимец Россиян,
В стране Назонова изгнания,
Немым восторгом обуян.
С очами, полными мечтанья,
Сидит на крутизне один;
У ног его шумит Евксин.

Только в одиннадцатой и двенадцатой строфах дается дальнейшее развитие мотива:

Тогда—(но страх объял меня!
Бледнею, трепещу, рыдаю;
Подавлен скорбью, стена,
Испуган, лиру покидаю!)
Я вижу—сладостный певец
Во прах повергнул свой венец.

Видения, «возвещающие Певцу Руслана и Людмилы о смерти Байрона, суть олицетворенные произведения последнего». Это место «Оды» особенно архаично как по аллегорической основе, так и по языку и стилю:

Он зрит: от дальних стран полдневных,
Где возвышался Фебов храм,
Весь в пламени, средь вихрей гневных,
По мрачным тяжким облакам
Шагает призрак Исполнина;
Под ним сверкает вод равнина!

¹⁾ В черновой рукописи Кюхельбекера (Пушкинский Дом) стихотворение начиналось прямо с 6-й строфы, остальное прибавлено после.

Он слышит: с горней высоты
 Глагол раздался чародея!
 Волшебный зов, над миром вея,
 Созданья пламенной мечты
 В лице и тело облекает;
 От Стикса мертвых вызывает!

Пушкину предстают сначала видения героев Байрона:

...Зловещий Дант, страдалец Тасс
 Исходят из подземной сени;
 Гулр воздвигся, встал Манфред...
 ...Стряся с веждей смертный сон,
 Встал из бездонного вертепа
 Неистовый ездок Мазепа...

Здесь находим один из классических примеров «сопряжений далековатых идей» в оде, — столь часто тогда осмеиваемой бессмыслицы:

Главу свою находит Дождь
 Бессмертную и в гробном прахе;
 Он жив погибнувший на плахе;
 Отец народа, страх Вельмож:
 И вновь за честь злосчастный мститель
 Идет в бесчестную обитель.

Видение тени Байрона, предстающее вслед за его героями, написано с соблюдением канонической смелости:

Я зрю блестящее виденье:
 Горе парящий великан
 Раздвинул пред собой туман!
 Сколь дерзостно его течение!
 Он строг, величествен и дик!
 Как полный месяц, бледный лик.

Оде были предпосланы примечания, в виде предисловия (Кюхельбекер находил, что «выноски, полезные, даже необходимые в сочинении ученом, — вовсе неудобны в произведениях стихотворных, ибо совершенно развлекают внимание»).

Примечания эти также писаны нарочито архаическим стилем: «По сей причине мы в настоящем случае вынуждаемся объявить тем

из наших читателей, которым поэт Байрон известен только по слуху, что видения, возвещающие певцу Руслана и Людмилы о смерти Байрона, суть олицетворенные произведения последнего, каковы: Дант (см. Пророчества Данта), Гяур, Манфред, Тасс (в сетовании Тасса), Мазепа.

Стихи:

Главу свою находит Дождь
Бессмертную и в гробном прахе.

также требуют пояснения: предмет Байроновой трагедии: Дождь, почерпнут из Истории Венеции средних веков «Соловей назван здесь любовником роз в подражание «Восточным Поэтам» и т. д. ¹⁾.

Стихотворение Рылеева «На смерть Байрона», не архаичное по языку и стилю, по конструкции представляло собою каноническую оду.

Рядом с ними пушкинское «К морю» со строфами, посвященными Байрону, было как бы намеренным уклонением от одического канона.

Таким образом, пародическая «Ода гр. Хвостову» имела в современной литературе достаточно живые образцы. Ниже будет указано, в связи с каким литературным течением эпохи это стоит.

В «Оде гр. Хвостову» Пушкин хотя и не дал прямой пародии Кюхельбекеровой Оды ²⁾, но подчеркнул его адрес; в первых же строках он пародирует выражение из другого его произведения:

...Кровь Эллады
И резво скачет и кипит.

при чем ко второй строке (резво скачет) Пушкин делает примечание: «Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову».

Здесь Пушкин имеет в виду стихотворение Кюхельбекера «Грибоедову», где имеется следующая строфа:

¹⁾ Все выписки из «Мнемозины», ч. III, 1824, с. 189—199.

²⁾ Здесь можно говорить только о некотором лексическом сходстве, впрочем, неидущем дальше общих качеств архаического стиля; сходны также фигуры (аллегория): Вражда и Зависть, Дети Ночи (Кюхельбекер); Феб, Игры, Смехи, Вах, Харон (Пушкин); но и это не выходит из пределов самого общего характера стиля.

Но ты,—ты возлетишь надъ песнями толпы!
 Певец, тебе даны рукой Судьбы
 Душа живая, пламень чувства,
 Веселье тихое и светлая любовь,
 Святые таинства высокого искусства
 И резвоскачущая кровь¹⁾!

Пушкин пародически подчеркнул здесь выражение Кюхельбекера, изменив конструкцию причастия, воспринимавшуюся в ряде прилагательных, — в глагол, и обострив, таким образом, алогизм эпитета; эпитет «резвоскачущая кровь» примыкает к излюбленным архаистами сложным эпитетам (ввод которых был отчасти мотивирован «гомеровским» колоритом: высокотвердынный, меднобронный, бурноногий

¹⁾ Даем текст по рукописи Кюхельбекера из архива А. А. Краевского (Публичная Библиотека). Стихотворение было напечатано в «Московском Телеграфе» за 1825 г., ч. I. № 2, с. 118—119, с незначительными вариантами и с пропуском (должно быть, по цензурным соображениям) слов «Святые таинства», что делало стих бессмысленным.

То обстоятельство, что Пушкин пародирует в «Оде» выражение Кюхельбекера, было поставлено во главу угла при датировке стихотворения (см. Л. Майков, Материалы, с. 250—252; Морозов, т. II, стр. 360, изд. 1903; изд. Ак. Наук, т. IV, примечание с. 27; Лернер, «Труды и дни», изд. II, с. 451); на основании того, что стихотворение Кюхельбекера появилось в печати в 1823 г., к этому году относят и стихотворение Пушкина. Между тем, очевидно, нельзя исходить из этого шаткого основания: стихотворение Кюхельбекера и в печати и в его черновой тетради (Архив В. Гаевского, Пушкинский Дом) имеет помету: Тифлис — 1821. Несомненно, Пушкин мог быть знаком с этим произведением значительно ранее; некоторые соображения в пользу этого имеются. В исходе (?) 1822 г. Дельвиг пишет Кюхельбекеру: «Ты страшно виноват перед Пушкиным. Он поминутно о тебе заботится. Я ему доставил твою «Греческую Оду» «Послание Грибоедову и Ермолову»... (Дельвиг, ред. В. Майкова, с. 150); между тем, Пушкин пишет в сентябре 1822 года брату: «Читал стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудак! Только в его голову могла войти жидовская мысль воспевать Гредию, Гредию, где все дышит мифологией и героизмом, славянорусскими стихами, деликом взятыми из Иеремия...». Ода к Ермолову лучше, но стих:

Так пел в Суворова влюблен Державин

слишком уж Греческий. Стихи к Грибоедову достойны поэта, некогда написавшего «Страх при звоне меди заставляет народ утраченный толпами стремиться в храм священный»... и т. д. Здесь Пушкин имеет в виду, очевидно, не «Олимпийские игры» Кюхельбекера, как полагает П. О. Морозов.

и т. д.¹⁾; эти эпитеты были существенной принадлежностью архаического стиля; от Ломоносова и Державина они перешли к шишковцам (Шихматов, Бобров); еще Панкратий Сумароков осмеивал их как стиль «пиндарщины» в своей «Оде в громко-нежно-нелеповом вкусе»:

Сафи́ро - храбро - мудро - пегий,
Лазурно - бурный конь, Пегас!

Против этих эпитетов высказывался Карамзин: «Авторы или переводчики наших духовных книг образовали язык их совершенно по греческому, наставили везде предлогов, растянули, соединили многие слова, и сею химическою операциею изменили первобытную чистоту древнего славянского»²⁾.

Выражение Кюхельбекера было сразу подхвачено критикой. Так в «Благонамеренном» (1825 г., № 12, с. 440—441), в статье «Дело от безделья или краткие замечания на современные журналы», в послании «К Грибоедову» писалось между прочим: (автор) «говорит, что Г. Грибоедов возлетит над песнями толпы, что рукой судьбы

(VIII, с 426), а Оду Кюхельбекера «Глагол Господень был ко мне», потому что из «греческих» стихотворений его только оно вполне подходит под характеристику «славянорусских стихов, взятых из Иеремии»; «К Грибоедову», очень вероятно,—и есть пародированное Пушкиным в «Оде Хвостову» произведение; упомянем, что беловая рукопись Кюхельбекера (архив Краевского, П. Б.) содержит как раз в последовательности, которой держится и Пушкин в письме, его произведения: 1) «Глагол Господень был ко мне»; 2) «Алек. Пет. Ермолову»; 3) «Грибоедову». Другое послание Кюхельбекера к Грибоедову, которое так же могло бы подойти под характеристику Пушкина, было напечатано в «Сыне Отечества» за 1823 г. (№ 10, с. 128-9). Во всяком случае, при датировке стихотворения следует отправляться как от общих предпосылок (стихотворение является как бы пародическим итогом лирического состязания), так, в частности, от указаний, которые дает например переписка Ал. Ив. Тургенева с кн. П. Вяземским (первое упоминание об «Оде» в письме Тургенева кн. Вяземскому от 4 мая 1825 г. — Ост. Арх., т. III, с 121), а не от упоминания в «Оде» стихотворения, написанного в 1821 г.

1) См. любопытные замечания о «составных словах» в рецензии на «Илиаду» Гнедича, Галатея, 1830, № 18, с. 89—90.

2) Карамзин, изд. Смирдина, 1848 г., т. III, стр. 604; «О русской грамматике француза Модрю» (по поводу замечания Модрю о сложных русских именах) Пушкин еще раз подчеркивает этот стилистический прием в своей «Оде»: «быстропарный».

даны ему душа живая, пламень чувства, веселье светлое, тихая любовь высокого искусства и резвоскачущая кровь! Не останавливаясь на резвоскачущей крови, заметим только, что следовало бы объяснить, к какому именно искусству дана Г. Грибоедову тихая любовь».

Во второй строфе Пушкин, хотя и не называет в примечании пародируемого автора, зато дает совершенно явный намек на стихотворение Рылеева «На смерть Байрона»:

Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла!
Лети туда, Хвостов наш сам!

Ср. аналогичное место в стихотворении Рылеева:

Давно от слез и крови взмокла
Эллада средь святой борьбы;
Какою ж вновь бедой судьбы
Грозят отчизне Фемистокла?

Пушкин комически подчеркнул рифму Рылеева, изменив ее из опоясывающей на парную; ближе стоящие слова теснее связаны друг с другом, и поэтому сильнее эффект комической неожиданности; кроме того Пушкин пародически инструментовал второй рифмующий стих, трудно произносимым сочетанием согласных:

Перикла лавр, лавр Фемистокла.

Надо отметить, что эту рифму, окруженную сходным текстом, Рылеев употребил уже раз в стихотворении А. П. Ермолову (1821):

Наперсник Марса и Паллады,
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов, поспеши спасать сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!

... Уже в отечестве потомков Фемистокла
Повсюду подняты свободы знамена;
Геройской кровью уж земля намокла
И трупами врагов удобрена!

Проснулись вздремавшие перуны,
 Отвсюду храбрые текут...
 Теки-ж, теки и ты, о витязь юный:
 Тебя герои там, тебя победы ждут ¹⁾!

Пушкин употреблял богатые, неожиданные рифмы (в особенности на имена собственные) обычно с комической целью ²⁾, и употребление богатой рифмы, подобной пародированной, где со словом «Фемистокла» рифмует прозаическое «намокла» и «взмокла» — было для него приемом, явно вызывавшим на пародию ³⁾.

Рылеев, собственно, первый подал Пушкину мысль о *Revue des Bevue*. В начале января 1823 года Пушкин писал брату: «Должно бы издавать у нас журнал *Revue des Bevue*; мы поместили бы там выписки из критик Воейкова, полудневную денницу Рылеева, его же герб российской на вратах Византийских (во время Олега герба русского не было) и т. д. ⁴⁾». Немного ранее он пишет о том же, связывая имя Рылеева с именем Хвостова: «Милый мой, у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило» ⁵⁾.

¹⁾ Таким образом, здесь сходна не только рифма, но и последние строки:

Но новый лавр тебя ждет там...
 Лети туда, Хвостов наш сам.

Ср. курсив.

²⁾ Ср.: Гарольдом — со льдом, и замечание его по поводу рифмы «Херасков — ласков.»

³⁾ Установка пародирования Рылеева в «Оде» могла бы дать точные указания на дату «Оды», но принадлежит ли Рылееву дата 1825, которой снабжено стихотворение Рылеева в «Альбоме Северных Муз» за 1828 г. — не известно. (См. «Вестник Европы», 1888 г. № 12, с. 592. В. Якушкин. «Из истории литературы двадцатых годов».)

⁴⁾ Переписка, т. I, с. 63.

⁵⁾ Там же, с. 52; письмо к Л. С. Пушкину от 4 сент. 1882 г.; в том же письме Пушкин пишет о стихах Кюхельбекера «Грибоедову». Стихи Рылеева, о которых говорит Пушкин, — начало думы «Богдан Хмельницкий»:

Средь мрачной и сырой темницы,
 Куда лишь в полдень проникал
 Скользя по сводам луч денницы.

(«Русский Инвалид», 1822, № 54.)

Для Пушкина было неприемлемо неточное употребление в разных значениях слов с одного корня; здесь сказывается требование рационального

Остается, однако, вопрос: была ли форма старинной оды более или менее случайным комическим средством пародии, обусловленным исключительно одами на смерть Байрона, или же она имеет еще особое, более общее, полемическое значение?

Несомненно, она является одним из интересных эпизодов знаменательной литературной борьбы.

Литература не знает единого, прямолинейного пути развития. То одна, то другая ветвь в ходе литературы побеждает; но когда победившее, господствующее течение исчерпывает себя, наступает период, когда на фоне этого исчерпанного искусства особое значение приобретает побежденная традиция, предшествующая господствующей.

Борьба Шишкова с Карамзиным была своеобразной революцией архаистов. В 1811 году Батюшков писал Гнедичу о «Беседе Любителей Российского слова»: «И эти люди хотят сделать революцию в словесности не образцовыми произведениями, нет, а системою новую, глупую»¹⁾.

В двадцатых годах к архаистам примыкает группа молодых писателей, среди которых одно из важнейших мест занимает Грибоедов. В 1820—21 году под влиянием Грибоедова совершается эволюция литературного направления деятельности Кюхельбекера, перешедшего из лагеря господствующего литературного течения в лагерь архаистов, «под знамена Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шихматова»²⁾. Кюхельбекер становится в открытую оппозицию к поэтам пушкинского кружка.

В 1833 году он занес в свой дневник: «Перечитывая сегодня поутру начало третьей песни своей поэмы, — я заметил в механизме стихов и в слоге что-то пушкинское. Люблю и уважаю прекрасный

отношения к «узуральному» значению слов, бывшее одной из основ поэтики карамзинистов. Несомненно Рылеева пародировал Пушкин в стихах Ленского

Блеснет завтра луч денницы
И заиграет яркий день.

¹⁾ Сочинения К. Н. Батюшкова. Изд. 6-е, стр. 457.

²⁾ «Русская Старина», 1875 г., т. XIV, с. 83, также с. 343, 360.

талант Пушкина, но, признаться, мне бы не хотелось быть в числе его подражателей. Впрочем, никак не могу понять, отчего это сходство могло произойти: мы, кажется, шли с 1820 года совершенно различными дорогами, он всегда выдавал себя (искренно ли или нет— это иное дело!) за приверженца школы так называемых очистителей языка, — а я вот уже 12 лет служу в дружине славян под знаменами Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шихматова — чуть ли не стихи четырехстопные сбили меня: их столько на пушкинскую статью, что невольно заговоришь языком, который он и легион его последователей присвоили этому размеру»¹⁾.

Кюхельбекер сознательно противопоставляет Пушкину Державина. Еще в 1835 году он пишет: «Нет сомнения, что дедушка Державин у нас на Руси первый поэт и, кажется, долго останется первым». Он охотно и открыто стилизует Державина²⁾.

Одним из видных моментов литературной борьбы двух течений был 1824 год, одним из крупных и ответственных шагов со стороны архаистов была статья В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», помещенная в альманахе «Мнемозина» за 1824 г.³⁾. По существу статья затрагивала основные вопросы искусства и связывала с ними вопросы современной литературы. Упомянув о том, что «поколение лириков, коих имена остались стяжанием потомства (список их крайне характерен: Ломоносов, Петров, Державин, Дмитриев, Капнист, «некоторым образом Бобров и Востоков», и, наконец, Шихматов), почти не имело себе преемников», он обосновывает ценность литературных видов, оставаясь на почве общих положений: «Сила, свобода, вдохновение—необходимые три условия всякой поэзии... Из сего следует, что она тем превосходнее, чем более возвышается над событиями ежедневными, над низким языком черни, незнающей вдохновения. Всем требованиям, которые предполагает сие определение, вполне удовлетворяет одна Ода, а посему без сомнения занимает первое место в Лирической Поэзии или, лучше сказать, одна совершенно заслуживает название

1) «Русская Старина», 1875 г., т. XIV, с. 83.

2) Там же, т. XIII, с. 524.

3) «Мнемозина», ч. II, 1824 г., стр. 29—44.

Поэзии Лирической. Прочие же роды..... ничтожностью самого предмета налагают на гения оковы, гасят огонь его вдохновения»¹⁾.

Характеристика Оды у Кюхельбекера не оставляет сомнения в ее архаическом характере: «Ода, увлекаясь предметами высокими, передавая векам подвиги героев и славу отечества, воспаряя к престолу Неизреченного и пророчествуя перед благоговейным народом, парит, гремит, блещет» и т. д.²⁾. К наиболее блестящим местам статьи принадлежат нападки на современную лирику, культивирующую элегию и послание. «Сила? — где найдем ее в большей части своих мутных, ничего не определяющих, изнеженных, бесцветных произведений? У нас все мечта и призрак, все мнится и кажется и чудится, все только будто бы, как бы, нечто, что-то. Богатство и разнообразие? Прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь все. — Чувств у нас уже давно нет: чувство уныния поглотило все прочие... Картины везде одни и те же: луна, которая — разумеется уныла и бледна, Скалы и дубравы, где их никогда не бывало, лес, за которым сто раз представляют заход солнца, вечерняя заря; изредка длинные тени и привидения, что-то невидимое, что-то неведомое, пошлые иносказания... в особенности же туман: туманы над водами, туманы над бором, туман над полями, туман в голове сочинителя».

Давая, таким образом, как бы пародию элегического стиля (в особенности «пейзажа»), Кюхельбекер конкретизирует ее указаниями на Жуковского. Столь же живы его пародические нападки на послание: «Послание у нас или та же элегия, только в самом невыгодном для нее облачении, или сатирическая замашка, каковы сатиры остряков прозаической памяти Горация, Буало и Пона, или просто письмо в стихах. — Трудно не скучать, когда Иван и Сидор напевают нам о своих несчастиях; еще труднее не заснуть перечитывая, как они иногда в трехстах трехстопных стихах друг другу рассказывают, что, слава Богу! здоровы, и страх как жалеют, что так давно не видались! — Уже легче, если по крайней мере ретивый писец вместо того, чтобы начать:

¹⁾ Там же, с. 30—31.

²⁾ Там же, с. 31.

³⁾ Там же, с. 39.

Милостивый Государь

NN

воскликнет:

. чувствительный певец
Тебе (и мне) определен бессмертия венец!

а потом ограничится объявлением, что читает Дюмарсе, учится азбуке и логике, никогда не пишет ни семо, ни овамо и желает быть ясным»¹⁾).

Таков основной полемический стержень статьи. В дальнейшем Кюхельбекер касается вопроса о самобытности и подражательности в литературе, давая смелые характеристики Горация, Байрона, Шиллера и т. д.

В статье неоднократно упоминается Пушкин. Так, Кюхельбекер утверждает, что «печатью народности ознаменованы какие-нибудь 80 стихов в «Светлане» и в «Послании к Воейкову» Жуковского, мелкие стихотворения Катенина и два или три места в «Руслане и Людмиле» Пушкина, но тут же строго отзывается о «Кавказском Пленнике» и элегиях Пушкина, в которых даны «слабыми и недорисованными, безымянные отжившие для всего брюзги, скопированные с Чайльд-Гарольда»²⁾).

Кончает Кюхельбекер обращением, которое придает всей статье характер направленной непосредственно к Пушкину: «Станем надеяться, что, наконец, наши писатели, из коих особенно некоторые молодые одарены прямым талантом, сбросят с себя поносные цепи немецкие и захотят быть русскими. Здесь особенно имею в виду

¹⁾ «Мнемозина», ч. II, с. 33. Здесь рассыпаны явные намеки на Батюшкова («Мои Пенаты», послание к Жуковскому и князю Вяземскому — 316 «трехстопных стихов»), на которого Кюхельбекер затем нападает открыто (с. 34); на В. Л. Пушкина. Ср. его послание «К В. А. Жуковскому»:

Скажи, любезный друг, какая прибыль в том,
Что часто я тружусь день целый над стихом?
Что Кондильяка я и Дюмарсе читаю?
Что Логике учусь и ясным быть желаю?
. . . . Не ставлю я нигде ни семо, ни овамо

(Сочинения В. Л. Пушкина, под ред. Сайтова, стр. 70.)

²⁾ Там же, стр. 39 и 40.

А. Пушкина, которого поэмы, особенно первая, подают великие надежды» ¹⁾.

Нападки на элегиков Кюхельбекер развил и дополнил в литературной сатире «Земля Безглавцев» ²⁾, а под его явным влиянием повторил их кн. В. Одоевский в статье «Следствия сатирической статьи» ³⁾. Статья вызвала оживленную полемику, значительно освежившую литературу ⁴⁾.

4

Статья помогла глубже уяснить коренную противоположность между архаистами, приверженцами «высокой поэзии», с одной стороны, и противоположным течением—с другой.

Пушкин был глубоко задет статьей. Много в ней не было для него неожиданным. Еще в 1822 году, в заметке, носящей теперь название «О слоге», он писал о стихах: «...не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно; с воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко не подвинется» ⁵⁾.

Подобно Кюхельбекеру, Пушкин по наплыву элегий предвидел близкий поворот в лирике. После статьи Кюхельбекера он осознал это еще более. В конце 1824 года он писал в предисловии к первой песне «Евгения Онегина», цитируя Кюхельбекера:

«Станут осуждать... некоторые строфы, писанные в утомительном роде новейших элегий, в коих чувство уныния поглотило все прочие».

¹⁾ «Мнемозина», ч. III, с. 43.

²⁾ Там же, с. 143—151.

³⁾ Там же, с. 128—9.

⁴⁾ «Литературные Листки». 1824 г., № 5, с. 185; *Ив.*, № 15, с. 77. «Мнемозина», ч. III, с. 147—177; «Лит. Листки» 1824 г. № 21 и 22, с. 92—98. «Остафьевский Архив», т. III, с. 69; *Ив.*, с. 62; *Ив.*, т. V, с. 31—32.

⁵⁾ Сочинения Пушкина, под ред. П. О. Морозова, т. VI, с. 411. Ср. статью Кюхельбекера:

«Все мы в запустии тоскуем о своей погибшей молодости; до бесконечности жуем и пережевываем эту тоску и наперерыв щеголяем своим малодушием в периодических изданиях». («Мнемозина», II, с. 37.)

Уже к 1825 году относится стихотворение «Соловей и Кукушка», где соловью, разн о б р а з н о м у певцу, противопоставляется подражательница — кукушка:

Хоть убежать! Избавь нас, Боже,
От элегических куку.

Мысли Кюхельбекера все более прививались. К лету 1824 года относится стихотворение Боратынского «Богдановичу», где Жуковский упрекается в том, что к Музам русских поэтов пристала немецкая хандра, Рылеев пишет Пушкину о «пагубном влиянии Жуковского на дух нашей словесности: мистицизм... мечтательность, неопределенность и какая-то туманность растлили многих и многим зла наделали» ¹⁾.

Но выход, предложенный Кюхельбекером, Пушкина не удовлетворял. В заметке «О вдохновении и восторге» Пушкин пишет: «Ода стоит на низших ступенях творчества. Она исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого. Трагедия, комедия, сатира — все более ее требуют творчества, фантазии, воображения, знания природы» ²⁾. Таким образом, смерть элегий и посланий была для Пушкина показателем того, что лирика должна уступить на время первенство другим литературным формам: трагедии, комедии, сатире; приближалась пора «Бориса Годунова». Узкий же путь, указанный Кюхельбекером, был для Пушкина неприемлем. Такой же ответ дал Пушкин позже в четвертой главе Онегина:

XXXII

Но тише! Слышишь? Критик строгий
Повелевает сбросить нам
Элегии венок убогий,
И нашей братье рифмачам
Кричит: «Да перестаньте плакать,
«И все одно и то же квакать,
«Жалеть о прежнем, о былом:
«Довольно — пойте о другом!»
— Ты прав, и верно нам укажешь
Трубу, личину и кинжал,

¹⁾ Переписка, т. I, с. 175. Письмо от 12 февраля 1825 г.

²⁾ Пушкин, т. VI, с. 413.

И мыслей мертвый капитал
 Отвсюду воскресить прикажешь.
 Не так ли, друг?—, Ничуть. Куда!
 «Пишите оды, господа,

XXXIII

«Как их писали в мощны годы,
 «Как было встарь заведено...»
 — О дни торжественные оды!
 И, полно, друг; не все ль равно?
 Припомни, что сказал сатирик!
 Чужого толка хитрый лирик
 Ужели для тебя сносней
 Унылых наших рифмачей? —
 «Но все в элегии ничтожно,
 «Пустая цель ее жалка;
 «Межь тем, цель оды высока
 «И благородна... Тут бы можно
 Поспорить нам, но я молчу;
 Два века ссорить не хочу ¹⁾.

Время элегий миновало; на смену идут не другие лирические виды, и уж во всяком случае, не архаическая ода, а—другие роды— труба, личина и кинжал.

5

Смерть Байрона, в которой и Пушкин видел «высокий предмет для поэзии», была прежде всего благодарным поводом для воскрешения оды, который архаисты и использовали. Таким образом, «Ода графу Хвостову» явилась полемическим ответом воскресителям оды, причем пародия на старинных одописцев явилась лишь рамкою для полемической пародии на современных воскресителей высокой оды, к которым принадлежали Кюхельбекер и, в некоторой степени, Рылеев.

Ю. Тынянов.

¹⁾ На деталях здесь повидимому отразилась статья В. Ушакова (—ий—ов) («Литературные Листки» 1824 г. № 21 и 22., с. 92), упрекавшего Кюхельбекера в том, что он хочет заставить всех писать одни торжественные оды (см. по этому поводу разъяснение Кюхельбекера в «Мнемозине», ч. III, с. 16¹⁾) и упоминавшего о «Чужом Толке» Дмитриева.

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
СЕМЕНА АФАНАСЬЕВИЧА
ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНИСТ IV

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. В. ЯКОВЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • ПЕТРОГРАД

1922